

ОБЛАКА

13.05.2014

В эфире программа «Облака»...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

Общественные организации, занимающиеся правами человека, чаще всего состоят из активистов, не имеющих профессиональной юридической подготовки и помогающих людям просто потому, что видят в этом смысл своей жизни и по-другому не могут. Со временем они накапливают опыт, и их помощь становится более квалифицированной. Но иногда они все же не могут помочь другим сами, и тогда обращаются к профессионалам.

Одним из примеров такого профессионального общественного объединения является Межрегиональная Ассоциация правозащитных организаций «АГОРА». Агора объединяет собой юристов, которые защищают россиян от незаконных действий государственных органов. Однако даже им, профессионалам, бывает трудно добиться успеха, если сам гражданин прежде, чем к ним обратиться, уже успел наделать кучу ошибок. Для того чтобы избежать попадания в такие тупиковые ситуации, каждому из нас стоит держать в голове несколько простых правил - на всякий случай. У микрофона председатель Межрегиональной Ассоциации правозащитных организаций «АГОРА» Павел Чиков:

Если человек пострадал от действий полицейских – что нужно прежде всего сделать? ...Нужно, прежде всего, пойти к медикам. Прежде всего, это травмпункт...где зафиксировать эти самые ...какие бы они ни были, пусть будет это синяк, царапина, там...ссадина, гематома, не говоря про что-то более серьезное. Потому что без медицинских документов, перспектив у дела нет никакого.

Единственным альтернативным доказательством при отсутствии медицинской справки может быть только прямая видеозапись события.

У нас был случай в Чите, когда осужденный обратился с жалобой на то, что его избил полковник, замначальника УФСИН Забайкальского края. Ну, кто поверит осужденному, и даже дело не в этом – я готов верить кому угодно, но как доказать – доказать никак невозможно. Если повреждений никаких нет, к гражданскому врачу он обратиться не может, тюремный врач ему никакие побои не зафиксирует. Ситуация резко изменилась после того, как кто-то из доброжелателей из числа сотрудников следственного изолятора слил в ютуб видеозапись момента избиения. ... Наш юрист получил прямую ссылку на эту видеозапись. Следственному комитету деваться некуда было, они возбудили уголовное дело.

Потом на осужденного оказывалось давление, дело пытались разрешить внесудебными методами, но это для тюремной системы это скорее обычная практика, чем исключение.

В разы труднее работать с осужденными по любому вопросу, потому что они все время находятся под контролем государства и потому что на них очень легко оказывать давление. Есть просто миллионы способов...ну, очень трудно бороться с этим. Поэтому с полицейским насилием иметь дело легче. Потому что вот он, потерпевший, вот с ним

каждый день можно общаться и с ним можно созваниваться, вот он имеет медицинские документы, а вот его еще за ручку можно отвести на суд-медосвидетельствование.

Пройти судебно-медицинское освидетельствование в таких ситуациях намного лучше, чем просто обратиться в травмпункт. Хотя оно и платное, оно того стоит. Там можно получить не только описание полученных травм и повреждений. В заключении будет описано в деталях локализация этих повреждений, их размер, цвет, давность и возможный механизм получения. Травматолог этими навыками не владеет, потому что это сфера специальных знаний судебной медицины.

И это может сделать только судмедэксперт. Поэтому вот этот акт освидетельствования является железобетонным доказательством получения человеком телесных повреждений...которые потом следственному комитету нужно будет как-то объяснять – хорошо, это сделали не полицейские, тогда кто?

Важно, чтобы кто-то мог бы подтвердить, что на момент задержания у вас все было в порядке, заручиться поддержкой свидетелей, например, соседей, если задержание проходило дома. После освобождения из полиции следует сразу же зафиксировать телесные повреждения в травмпункте. Если вы заявляете, что это сотрудники полиции нанесли вам повреждения, именно полицейские должны доказывать, что это сделали не они. Такова позиция Европейского суда по правам человека, которая заключается в том, что если вред здоровью человеку нанесен в период нахождения человека во власти государства, то на государстве лежит обязанность внятно объяснить причины их получения. То есть действует презумпция виновности государства. В то же время в отношении отдельных полицейских действует презумпция невиновности. Нельзя безосновательно заявить, что конкретный сотрудник правоохранительных органов применил насилие. Даже если это было так, но нет доказательств, то шансов возбудить уголовное дело практически нет. У микрофона Павел Чиков:

Когда к вам приходят и говорят, вот, три года назад меня там избили, но я к врачам не обращался, а потом, вот, сейчас я хочу добиться привлечения к ответственности. Ты ему говоришь, объективно невозможно. Нет никаких документов, нет доказательств, нет ничего.

Таким образом, прежде всего юристы ассоциации «Агора» сначала проверяют сообщение о преступлении, и если оно подтверждается, они готовят заявление в Следственный комитет о возбуждении уголовного дела. Затем, уже в рамках предварительного следствия они представляют интересы потерпевшего, добиваются того, чтобы все участники преступления, в том числе начальство, были привлечены к уголовной ответственности, чтобы объем обвинения не был занижен.

Нам важно, чтобы приговор был обвинительный, потому что мы уверены, что преступление совершено, и вот у нас такие доказательства. Там, где речь идет про серьезное насилие, ну, например, средний-тяжкий вред здоровью или уж тем более погиб человек, там наша позиция заключается в том, что полицейский должен получить реальное лишение свободы. Сколько – опять на усмотрение суда.

После вынесения приговора и вступления его в законную силу работа юристов не заканчивается – они обращаются в суд с исковым заявлением.

И ответчиком у нас всегда выступает казна Российской Федерации в лице министерства финансов. По двум причинам. Во-первых, потому что государство несет ответственность

за действия своих представителей. А во-вторых, чисто меркантильно. Потому что с минфина можно получить, а с него самого, осужденного, скорее всего, этого не произойдет.

Суды, рассматривающие иски к казне РФ, как правило, назначают гораздо более крупные компенсации, чем с конкретного человека, когда суды могут принять во внимание его семейное и материальное положение.

Самой крупной компенсацией, которые были на нашей практике, которые я знаю, это три с половиной миллиона с казны Российской Федерации взыскали за избиение и доведение до самоубийства курсанта Новосибирского Высшего Военно-Командного училища. Это не милицееское насилие, это армейское насилие, но в принципе все очень похоже. По полтора миллиона получили мать и отец и полмиллиона – сестра.

Суммы компенсаций, которые удается добиваться для своих подзащитных юристам Агоры с годами и накопленным опытом растут.

Если вы этим занимаетесь долго, однотипно, как правило, суммы компенсаций тихонечко растут. То есть, с 20-30 тысяч рублей за дела о пытках, которые назначались в 2003-2004 годах, суммы сейчас выросли до трехсот-четырёхсот-пятисот тысяч рублей.

Мы бьемся за то, чтобы деньги эти росли, и суммы в миллион-полтора- в два это в принципе реальные цифры, уже сейчас их можно добиваться. Для чего мы это делаем – потому что наказать рублем это очень важно. Потому что это иногда работает круче, чем даже тюремное заключение и обвинительный приговор, особенно, условный. Потому что...ну, потому что потерпевший имеет право на эту выплату, потому что таковы стандарты международные.

После того, как судебное решение о назначении компенсации принято, ассоциация Агора продолжает оказывать содействие в получении этой денежной суммы. Участие юристов-правозащитников заканчивается тогда, когда сумма перечисляется на счет пострадавшего или его семьи.

Общественная организация Центр содействия реформе уголовного правосудия, занимающийся поддержкой тюремных реформ, а также заключенных женщин и несовершеннолетних, организует благотворительный завтрак в пользу детей, живущих в домах ребенка при колониях, где отбывают наказание их матери. Мероприятие пройдет 17 мая при поддержке и в помещении Международного Мемориала, в Москве, по адресу: Каретный ряд, дом 5/10. Благотворительный завтрак приурочен к 68-й годовщине со дня рождения Валерия Абрамкина, правозащитника, исследователя тюремного мира и реформатора, по инициативе которого была создана наша радиопередача. В программе мероприятия - презентация сборника воспоминаний друзей и коллег Валерия Абрамкина; - выставка фотографий и архивов, показ фильма «Мамская зона», который познакомит зрителя с жизнью женщин с детьми в колониях. Фильм снят еще в 2001 году, но проблемы детей, которые вынуждены проводить первые, самые нежные годы жизни, в условиях фрагментарного общения с матерью, по-прежнему остаются и плохо решаются. Предлагаем вашему вниманию мнение старейшего тюремного психолога Алевтины Новоселовой, прозвучавшее в фильме «Мамская зона»:

Американские ученые пришли к такому выводу. Они посмотрели особи обезьяны. У одной особи, ее ребенок воспитывался с ней рядышком...нрзб..его закрывала, прикрывала,

прижимала где-то, а второго сразу отсадили, как родился, так и отсадили. Так вот тот, которого отсадили, был агрессивным страшно, а этот которого не отсадили, рос нормальным детенышем.

Такое нарушение естественного процесса общения матери и ребенка, разрушительно действует и на мать. Собственно говоря, в такой ситуации ее шансы на то, чтобы стать полноценной матерью, невелики. Продолжает Алевтина Новоселова:

Мать должна быть рядом с ребенком. Пошла на работу, отнесла, отвела... Так как она на воле. Пришла, она его взяла, и она должна с ним жить... 2 Мать, которая не выстирала пеленок, мать, которая не слышит, что ее ребенок плачет, мать, у которой не работает сторожевой пункт на слово «мама» и на крик ребенка, ну, какая она мать?! Она ведь неполноценная потом мать будет...

У этих детей, которых сейчас не более 700 на всю систему, много и других проблем, в том числе со здоровьем, доставшихся им в наследство от своих родителей. Общественники и правозащитники предлагают свои пути их решения, но далеко не все предложения устраивают службу исполнения наказаний. У них, как у профессионалов, свой взгляд.

Вы слушали программу Облака.

Всем привет.